

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

ГБУК РО «РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
СПЕЦИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»

ОТ ПОЭМЫ ДО ДОКЛАДА

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСАНДРА СЕРАФИМОВИЧА

К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ПОЛИЕНА ЯКОВЛЕВА

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

РОСТОВ - НА - ДОНУ

2013

**АВТОР-СОСТАВИТЕЛЬ
Е. И. СОКОЛОВА**

**ФОТОГРАФИИ:
И. А. ГЕТАЖАЕВА**

**РЕЛЬЕФНАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ ГРАФИКА:
И. А. ГЕТАЖАЕВА**

**РЕДАКТОР ПО БРАЙЛЮ
В. И. МАРТЫНОВ**

**ОТВЕТСТВЕННАЯ ЗА ВЫПУСК
Т. Н. КОНДРАТЕНКО**

**БРАЙЛЕВСКИХ ЛИСТОВ: 59
УЧЁТНО-ИЗДАТЕЛЬСКИХ ЛИСТОВ: 2,6**

ТИРАЖ: 5 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

**ОТПЕЧАТАНО В ГБУК РО
«РОСТОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ СПЕЦИАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЛЕПЫХ»**

**АДРЕС:
344002, Г. РОСТОВ-НА-ДОНУ,
УЛ. ТЕМЕРНИЦКАЯ, № 50**

ТЕЛЕФОН: 240-79-56

Книга «От поэмы до доклада» рассказывает о советских писателях, жизнь и творчество которых связаны с Доном – Александр Серафимович, Полиен Яковлев и Мариэтта Шагинян.

СОДЕРЖАНИЕ:

Мой адрес – Советский Союз
«5 с плюсом» от Толстого.....
Память о детстве.....
Гранд-дама советской эпохи.....

Встречающиеся в тексте понятия и термины поясняются в словаре в конце книги.

*Хорошо над Москвою-рекой
Услыхать соловья на рассвете,
Только нам по душе не покой –
Мы сурового времени дети.*

Евгений Долматовский

*У Чёрного моря
Прошло моё детство,
В Москве я учился и жил.
Работал на Буге,
Рыбачил на Волге,
В Ростове солдатом служил.*

Марк Лисянский

*Пламя, зажжённое «Искрой»,
Не погасить никогда.
Пламя свободы в душе коммуниста
Будет гореть всегда.*

Павел Градов

МОЙ АДРЕС – СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

В 1928 году из-под пера писательницы Мариэтты Сергеевны Шагинян выходит своеобразное литературное произведение – «роман-комплекс» «К и к» (расшифровывается как «Колдунья и коммунист»), объединивший разные жанры.

Как тогда говорили: *«от поэмы до доклада»*.

Эта книга написана в форме газеты, где чередуются различные материалы – передовица, фельетон, хроника, телеграмма, научная статья, заметка селькора, письмо в редакцию и много ещё чего.

Роман «К и к» отражал поиск новых художественных приёмов в литературе.

20-е и 30-е прошлого века.

Юность советской власти.

Годы, когда с корабля современности предлагали выбросить в качестве ненужного балласта Александра Пушкина и Петра Чайковского.

А с ними – и всех остальных!

Сегодня даже трудно точно определить, кому же мы должны быть благодарны, что всё-таки не выбросили?

Называют и основателя первого социалистического государства Владимира Ленина;

и его супругу, самую первую леди этого государства, Надежду Крупскую;

и наркома просвещения Анатолия Луначарского;

и актрису Малого театра Марию Ермолову;

и отца всех народов Иосифа Сталина;

и основоположника социалистического реализма Максима Горького;

и балерину-босоножку Айседору Дункан;

и советского графа, великолепного мастера слова, Алексея Толстого;

и звезду оперной сцены Фёдора Шаляпина.

Много претендентов.

Будем благодарны всем. Каждый из них (пусть не всегда это было по совести, случалось – и на крови, но речь не об этом сейчас) внёс свою лепту в защиту культурных ценностей прежних поколений.

Хорошо, что не остались во главе угла романы-комплексы. Во-первых, очень уж сложно эти изыски воспринимать. Во-вторых, читателю XXI века они абсолютно неинтересны.

Никто в них сейчас заглядывать не станет. Только специалисты-филологи в преддверии диссертации.

Всё в этих опусах крайне политизировано, всё – в форме агиток, всё – во славу светлого будущего. И всё – так наивно. И всё – так невыносимо скучно.

Газетчики мечтали о славе ленинской «Искры», и в поисках новых тем (насколько позволяли автосредства тех лет) буквально носились по стране!

То есть, понятие *«Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!»* родилось задолго до стихов Владимира Харитонов. Возможно, поэт просто уместно употребил существующую строчку.

А особо отличившимся позволялось заглянуть за кордон.

Верили ли сами авторы в свои призывы?

Думается, что только поначалу. Потому что довольно скоро это словотворчество сошло на «нет».

Литературный Ростов 20-х годов – это что-то непередаваемое. Случилось в истории нашего государства такое событие, когда в Ростове оставили след почти все известные (и не очень) писатели.

И, что самое главное, почти в одно время.

Кто-то – бежал от власти большевиков, да так и не успел, пришлось на время затаиться.

Кто-то – эту самую власть приехал укреплять.

Кто-то – по необходимости, решил, что донской край более тёплый и хлебный, можно переждать все невзгоды.

Кто-то – прибыл специально: ведь это тот самый Юг, где пылают станицы! Да интересно же!

А кто-то появился здесь просто для того, чтобы собрать новые материалы для будущей книги.

Бывали на Дону в начале века и герои нашего сборника «От поэмы – до доклада».

Все они в своё время отметились какими-то литературными новшествами.

Родился здесь только Александр Серафимович. Полиен Яковлев – из Тбилиси, Мариэтта Шагинян – из Москвы.

Имена Шагинян и Серафимовича знала вся советская страна. О Яковлеве слышали больше на Северном Кавказе. Но издавали и в столице.

Писатели они – очень разные. Хотя все – из интеллигентных семей, с университетским образованием. Даже не с одним.

Все верили в прекрасное коммунистическое далёко. И старались его – изо всех своих писательских сил – приближать. Даже и не из писательских.

Только вот читать их сегодня никто не станет. Другая в постсоветском пространстве оценка существующих ценностей.

Главный роман Серафимовича «Железный поток» – на конкурсе на самое тяжёлое произведение – получил бы, наверное, все медали. Его и в советские времена школьники в руки брать не хотели. Но Серафимович прожил довольно спокойную жизнь. Был обласкан властями. Имел кучу привилегий.

Правда, при царе был сослан. Но в ссылке издал книгу. Причём, это была первая книга – никому не известный автор. Ну, не Чехов же! А напечатали. Терпимая, видимо, была ссылка.

Полиен Яковлев – детский писатель. Книги у него очень милые, читаются легко. Наивные, конечно. Его лучшая повесть «Первый ученик» прекрасно подойдёт и современному школьнику. Но современный школьник предпочтёт «Гарри Поттера». Что, в общем-то, и не плохо.

Яковлева незадолго до войны лишили должности. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая жизнь, но в 42-м он попал в гестапо. Возвращались оттуда единицы.

Мариэтте Шагинян судьба отпустила почти век. Ну, кажется, только звездой экрана она не была! А во всех остальных отраслях человеческой деятельности поучаствовала. Почестей имела целую кучу, но, практически, не пользовалась.

Самая известная её вещь – эпический роман «Гидроцентральный». Произведение производственной тематики. Значит, уже сразу: не интересно.

Как говорят: хороши все жанры, кроме скучного. Верно.

Мы не станем в нашем сборнике акцентировать внимание на литературных изысканиях этих писателей.

Но и Серафимович, и Яковлев, и Шагинян – личности необычные. Русский (ну – или казак), еврей и армянка – представители многонациональной Советской Родины.

Вот о них давайте и поговорим.

Пока ещё не совсем забыты. Тем более, что у каждого в этом году – юбилей.

Так как у Александра Серафимовича совпадают отчество и фамилия, то, чтобы различить, мы станем писать отчество вот так: Серафи`мович. С указанием ударения, на третьем слоге.

А Мариэтта Шагинян начала потом, после тех своих «К и к-ов» писать хорошие вещи. А язык и стиль у неё – замечательные. Вот фрагмент одного из произведений. «Ткварчельский уголь».

Попробуйте! Может, понравится?

«Хорошо жить в Сухуме, особенно осенью.

На перекрёстках преют каштаны под душным теплом жаровен, прикрытые влажными тряпками. Густой табак, словно чайный настой, суховатый, мешается с солёным запахом набережной. Солью и ветром пахнет лёгкая парусина на балконе.

А ночью – тихие глаза пароходов, неподвижно опрокинутые в воду, и плеск флейт из беседки, освещённой изнутри как раковина.

Звуки музыки тоже пахнут морем, – к морю подходит простая грубая флейта, духовые инструменты, усердные музыканты, опрокидывающие после игры свои горластые трубы, чтобы вытряхнуть из них слюну.

И грустное ру-ру-ру флейты улетает в солёном ветре, как усилия морского прибоя...»

*

«5 С ПЛЮСОМ» ОТ ТОЛСТОГО

*Недаром его замалчивала
буржуазная критика
и лишь терпела буржуазная
литературная среда.
Он всегда был чужаком
среди буржуазных писателей.*

«Правда»,
передовица.
19 января 1933 года.

1933 год.

Пролетарский писатель Александр Серафимович не спал всю ночь, обдумывая поступившее от правительства страны предложение. Оно было лестным, очень лестным, но...

Писателю (многие произведения которого связаны с Доном, а сейчас отмечается его 70-летие) предлагали дать согласие на переименование в его честь... города Новочеркасска.

Лестное предложение! Но какое же неразумное.

Новочеркасск ведь! Столица казачества! Ну ладно, бы в «Платов» переименовали (хотя, тоже, глупость). Но в «Серафимович»?!!

Александр Серафимович после долгих колебаний (не известно же, как на отказ отреагируют?) предложил альтернативный вариант – назвать его именем станицу Усть-Медведицкую, где прошло детство.

Слава Богу, прислушались. Новочеркасск остался Новочеркасском.

А родился будущий знаменитый пролетарский писатель в станице Нижне-Курмоярской Области Войска Донского 19 января 1863 года.

В казачьей семье Серафима и Раисы Поповых.

Это потом Александр поймёт, что очень удачным стало решение публиковаться под псевдонимом: рукопись писателя с фамилией «Попов» не возьмёт ни один редактор! Да и, вообще, сыну царского офицера в Советской России и мечтать нечего о карьере литератора.

Но поначалу-то его произведения выходили под другой фамилией потому, что своя – совсем не нравилась. Не нравились попы. И Александр выбрал псевдоним. Но – оригинально. Оно – и не псевдоним вовсе. А просто будут его по отчеству величать. Ну, вот Ленина называли же – «Ильич».

К нему будут обращаться «Серафимович».

То есть, пролетарский писатель не отрёкся от своего происхождения, от рода своего. Лишь ударение в отчестве – с одного слога на другой, для благозвучности – перенёс.

Тем более, что происхождением можно было гордиться.

Серафим Иванович Попов – казачий есаул, был военным казначеем. С шестнадцати лет ушёл в полк, воевал в Малой Чечне. Имел немало наград, особенно гордился двумя «георгиями».

А мама, Раиса Александровна – из рода Дубовски`х, родственница знаменитого художника-передвижника, певца донских степей и небесных просторов, Николая Никаноровича Дубовского.

Всего у Поповых было трое сыновей и дочь. Воспитание в семье строилось в духе особой, словно-патриархальной казачьей гордости, да ещё и среди роскошной природы Северного Дона!

В будущем, и сын писателя Анатолий Попов (в годы гражданской войны комиссар на Дону) решится мужественно выступить против политики расказачивания, мести казачеству как *«реакционной опоре трона»*, проводимой самим Троцким.

- *Вы не казак, вы – коммунист*, - одёрнул Лев Давидович.

И Анатолий не выдержал:

- *Да, я коммунист, но нельзя вычеркнуть из моей биографии то, что мой отец, дед были казаками.*

Детские годы Саша Попова – на сборах отца в Польше, затем в станице Усть-Медведицкой.

Древний «казачий стан» Усть-Медведицкая – богатейшее поселение с великолепным Преображенским монастырём, училищами и классической гимназией (куда и определили Сашу).

А на реке Медведице – так здорово проводить свободное время!

А под монастырём, рассказывают, сохранились подземелья. Чуть ли не доисторических времён! Вот бы там полазить!

Но это – жалость какая – категорически запрещено. Там ведь очень легко заблудиться: подземные ходы запутаны, сутками по кругу бродить будешь в поисках выхода. К тому же – много тупиков-келий.

Очень жаль, конечно!

Но гимназиста утешало то, что он был страстным книголюбом, в ранце постоянно лежали томики Пушкина, Лермонтова, Тургенева. Наиболее сильное впечатление – Лев Толстой и его «Война и мир».

«Ни одна книга, - вспоминает Серафимович, - ни одна человеческая встреча не оставляли такого следа, не наполняли так до краёв души, как эти первые страницы жизни, которые я вычитал у Толстого...»

Ушло далёкое детство, и Толстой встал перед сознательной мыслью колоссальным художником и настойчивым учителем».

Поэтические впечатления детских и юношеских лет, песни и предания казачества оживут много лет спустя в лучших рассказах писателя.

Впрочем, это ощущение своего кровного родства с землёй отцов и дедов пришло к Александру Серафимовичу Серафимовичу, будущему создателю классического романа о революции «Железный поток», вовсе не сразу.

А после мучительных исканий, после долгих тревог самопознания.

Смерть отца и последовавшие материальные лишения сразу осложнили жизнь, но гимназию Саша окончил. Хотя – пришлось пережить *«непроходящую, незамирающую бедность»*. Пришлось заниматься репетиторством; постигать столярное и слесарное мастерство.

А до станицы доходили отзвуки революционного террора против самодержавия, возбуждавшие у гимназиста интерес и сочувствие к народническому движению – он знакомится с произведениями демократов.

И общение с передовой мыслью подорвало веру в старые идеалы.

«К третьему классу закачался бог... За ним рухнул царь, и чёрная ненависть к строю стала переполнять душу», – такой итог подводит писатель своему мировоззрению к моменту вступления во взрослую жизнь – подаче документов на физико-математический факультет Петербургского университета.

В столице даёт себя знать нехватка знаний, и Александр посещает дополнительные лекции профессоров на юридическом и естественном факультетах и штудировать общественно-экономические науки.

И – тесно сближается с революционером Александром Ульяновым (старшим братом Владимира Ленина); примыкает к студенческому кружку, пропагандирующему постулаты террористической фракции партии «Народная воля».

Один из народовольцев Василий Генералов учился в Новочеркасске.

Просочились сведения, что в 1886 году этот город намерен посетить Александр III. Народовольцы стали готовить покушение. Но царь в Донскую казачью столицу не приехал, а несостоявшиеся террористы были арестованы.

Через год народовольцы попытаются этот пробел восполнить. Император снова остался жив, а руководители, в том числе Генералов и Ульянов, казнены.

Тогда студент 4-го курса, Александр Попов пишет воззвание к населению, в котором пытается разъяснить смысл неудачного покушения и призывает не складывать оружие!

За «сию прокламацию» он, естественно, тут же был арестован, привлечён к дознанию и сослан на три года в Архангельскую губернию.

Позднее в повести «У холодного моря», в рассказах «Сопка с крестами», «Гуси» писатель воссоздаст образы и быт ссыльных «политических» на Севере.

Здесь, в северной ссылке и взялся он за перо.

Первый пронзительный рассказ «На льдине», уже подписанный фамилией «Серафимович» появился в «Русских ведомостях» в 1889 году.

«Появление в печати было огромной и неожиданной радостью, и судьба моя решилась: я уж ничем не мог быть, как писателем».

Новые яркие повествования о тружениках Севера и о противоречиях капиталистического общества «Под землёй», «Стрелочник», «На плотях» привлекли внимание общественности и писателей Глеба Ивановича Успенского и Владимира Галактионовича Короленко.

В 1890 году власти разрешают вернуться на Дон. Александр тут же ищет знакомство с народовольцами.

С этих пор у него две страсти – литература и революция.

А быт – не налажен. Чтобы сводить концы с концами, приходится вести частные уроки.

Александр много работает в донской печати. Чаще всего останавливается на быте рыбаков азовско-черноморского побережья, архангельских поморов, шахтёров Донецкого бассейна, южно-русского и украинного железнодорожного персонала.

Но задачи – непосредственно этнографические – автора совершенно не занимают. Внимание направлено исключительно на обрисовку невыносимо тяжких условий, в которых живёт русский народ. В Мариуполе, Новочеркасске, Ростове выходят его обличительные фельетоны.

Но писатель Серафимович забыл, что вся его жизнь – под надзором полиции. Вскоре уволили из одной газеты. А за рассказ «Капля», где автор предсказал крах самодержавия, прикрыли другую.

Зато писателя Серафимовича заметили в столице. И даже внесли в свой «Энциклопедический словарь» Брокгауз и Ефрон как *«бытописателя трудящихся масс»*.

А Короленко предоставил ему несколько страниц в своём журнале «Русское богатство». И помог напечатать книгу «Очерки и рассказы», получившую блестящие отзывы многих маститых литераторов.

Вскоре молодой писатель перебрался в Москву, вошёл в близкий Максиму Горькому круг – литературно-художественное общество «Среда», стал сотрудничать в издательстве «Знание».

И «Знание» выпустило его первый трёхтомник.

Но, наверное, самым значимым для молодого писателя стало то, что его повесть «Пески» прочёл Лев Толстой.

И не только прочёл, а отметил *«чеховскую силу»* и поставил ей *«5 с плюсом»*.

Это нехитрый рассказ о трагедии двух запреданных душ. Молодая батрачка становится женой старого мельника – в надежде на его скорую смерть. Начинается жизнь, полная ненависти и вражды. В конце концов, она супруга травит. И новая свадьба – теперь с молодым батраком, который в свою очередь соблазняется состоянием уже постаревшей хозяйки. И тоже – ждёт, не дожждётся похорон.

Серафимович приходит к выводу, что у людей, доведённых беспросветной тупостью жизни до скотского состояния, один выход – русский бунт во всей его дикости и красе, и в 1912 году публикует роман «Город в степи».

Это – страшная схема превращения бандита и сутенёра Захарки Короедова в почтенного гражданина и крупного бизнесмена.

Кабатчик Короедов, *«рыцарь первоначального накопления»*, ради наживы готов, в прямом смысле, на всё! Согласен даже на сына-урода... от собственной дочери.

Роман завершается сценами гибели этого несчастного сына и слепого бунта – разрушительного «пробуждения» рабочих масс.

Начинается Первая мировая. Александр Серафимович – на фронте в составе санитарного отряда. И как корреспондент «Русских ведомостей».

Цикл очерков «В Галиции», рассказывающий о страданиях раненых, лишённых своевременной помощи из-за преступной халатности санитарных и врачебных чиновников, явился ушатом ледяной воды для ура-патриотов!

Буржуазные круги относились к Серафимовичу всё враждебнее. Издатели возвращали рукописи. А что-то и если печаталось, то с грубыми искажениями. Против писателя даже было заведено несколько цензурных дел.

На собраниях литераторов приходилось испытывать яростные нападки.

Даже «средовцев» произведения его отпугивали своим пролетарским демократизмом, своим недоверием к либерализму. И обличительной направленностью тематики.

Обнажённая реалистичность повести «Золотой якорь» вызвала единодушное осуждение.

«Так нельзя, - громил меня, кажется, Бунин, - художник должен рисовать жизнь объективно, не выпячивая дурных и мрачных сторон, не закрывая чёрными тучами голубое небо».

И, конечно же, поэтому, молодой автор был очень благодарен Алексею Максимовичу Горькому: *«...на издательской арене появился могучий организаторский талант Горького, который буквально спас положение и дал нам возможность не только напечатать безнадежно лежавшие на полке произведения, но и продвинуть их к настоящему, интересовавшему нас читателю – рабочему и крестьянину».*

И февральскую, и октябрьскую революции пролетарский писатель Александр Серафимович приветствовал очень бурно.

Он порвал со «Средой» литературной, сменив её на другую – большевистскую.

В гражданскую войну побывал на многих фронтах. Описал, что видел.

В это время он занимается созданием первого советского литературно-художественного журнала «Творчество». Становится заведующим литературно-художественным отделом «Известий» и агитмассовым отделом Моссовета, работает в «Правде», Наркомпросе и РАППе.

И получает высшее партийное признание.

В мае 1920 года ему пишет Владимир Ленин: *«Ваши произведения и рассказы сестры внушили мне глубокую симпатию к Вам, и мне очень хочется сказать Вам, как нужна рабочим и всем нам Ваша работа».*

Серафимовича назначают главным редактором журнала «Октябрь».

И на этом посту Александр Серафимович одним из первых увидел и оценил талант никому не известного писателя из донской глубинки Михаила Шолохова. И опубликовал в «Октябре» первые части «Тихого Дона».

Главное же произведение самого Александра Серафимовича, ставшее одним из самых значительных явлений послеоктябрьской литературы, – роман «Железный поток».

Его называли *«эпической фреской гражданской войны».*

Это поход Таманской армии летом 1918 года.

Первое упоминание об этой армии промелькнуло в записной книжке писателя ещё в 20-м.

«Дивизия. Отчаянные рубаки. С Таманского полуострова отступали. Устали за три года. У каждого четыре-пять котелков (т. е. срубил 4-5 голов).

Плохо одеты. Иногда одни штаны да рваные башмаки, а торс голый. Он подпоясывается, через голое тело надевает патронташ, засовывает револьвер. Война – уже ремесло».

Автор, опираясь на реальные события гражданской войны, стремился передать правду не документально-историческую, как это представлено Дмитрием Фурмановым в романе «Чапаев», *«не фотографическую», а «синтетическую, обобщённую».*

Поставив в центр романа образ «массы» и включив резкий прозаический очерк событий в атмосферу высокой патетики, Серафимович в героико-романтическом плане изобразил процесс *«революционного очищения»* народа, превращения анархической стихии в закалённую силу сознательных борцов.

События на Кубани весной 1918 несли в себе отголоски всеобщих событий, борьбы народа за землю, за волю – часто в прямом смысле. А вовсе не в виде лозунгов.

Как делить эту землю, если владеть её уполномочены были (да ещё со времен Екатерины II, после переселения на Тамань запорожцев) только казачьи военные общины?

А тысячи иногородних, батраков, сдельных работников, тоже вернувшихся с фронтов, из революционных городов?

Они оказались в какой-то миг в кольце ненависти казачьих станиц, вынуждены были уходить – с боями, с остановками – на соединение с главными силами Красной Армии.

Ведь казаки уничтожали целые роды иногородних!

Во главе 1-й авангардной колонны, а затем и всей Таманской армии стоял выбранный бойцами 28-летний «железный командир», бывший штабс-капитан царской армии Епифан Иович Ковтюх.

Писатель вывел его под именем Кожуха. Красный командир не думал о себе. Он думал только о том, как спасти тысячи людей от неминуемой гибели.

Вывавшись из окружения, Кожух был счастлив:

«Нэма у меня ни отца, ни матери, ни жены, ни братьев, ни близких, ни родни, тильки одни эти, которых вывел я из смерти... Я, я вывел... А таких миллионы, и округ их шеи петля, и буду биться за их. Тут мой отец, дом, мать, жена, дети... Я, я, я спас от смерти тысячи, десятки тысяч людей... Я спас от смерти в страшном положении...»

Роман стал советской классикой. Критика писала, что Александру Серафимовичу, единственному из всех писателей, удалось показать *«процесс превращения анархической стихийной массы крестьянской бедноты (под руководством «железного командира» Кожуха) в сознательную, спаянную единой целью борьбы за пролетарскую революцию, боевую силу – в железный поток»*.

В 30-е годы Александр Серафимович создал серию очерков о коллективизации, о путешествиях по Дону и Кавказу.

Он пишет книги для молодёжи; военную публицистику; статьи о русских классиках и советских писателях: о Льве Толстом, Илье Репине, Иване Тургеневе, Николае Островском, Михаиле Шолохове.

И своими работами постоянно убеждает читателя в непреходящей ценности традиций реализма, русской демократической эстетической мысли.

Во время войны, а ему было уже более 80-ти, выезжал Серафимович на фронт, в район Орловской битвы. И снова писал очерки.

Последнее выступление в печати – это его новогоднее обращение к землякам. Газета «Молот», 1 января 1949 года.

Пролетарский писатель Александр Серафимович был окружён почётом и славой. Рабочие судостроительного завода «Красный Дон» подарили ему персональную яхту из красного дерева. Молодые литераторы становились в очередь за «уроками мастерства». Произведения его переведены на многие иностранные языки.

В 1943 году получил он Государственную (Сталинскую) премию первой степени.

Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, «Знак Почёта» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов».

Был дважды женат. Вырастил трёх сыновей и двух дочек.

Умер в Москве 19 января 1949 года. В день своего рождения.

Имя пролетарского писателя присвоено Волгоградскому государственному педагогическому университету и десятку библиотек и улиц в разных городах страны. Есть такие и в Ростове.

В 1951 году в городе Серафимович (бывшей Усть-Медведицкой) открыли Дом-музей.

А подземелья монастыря, в которых так хотелось побывать юному Саше Попову, в настоящее время отреставрированы – оштукатурены стены, проложено освещение. Можно пойти на экскурсию.

Иосифу Виссарионовичу Сталину:

Дорогой товарищ Сталин!

Глубокую сердечную благодарность примите за высокую оценку моей литературной деятельности.

Разрешите премию мою – 100 000 рублей – внести на вооружение оружием наиболее необходимым в деле нашей Красной Армии.

А. Серафимович

Писателю Александру Серафимовичу Серафимовичу:

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Александр Серафимович, за Вашу заботу о вооружении Красной Армии.

И. Сталин

Газета «Известия». 3 апреля 1943 года

Имеется в виду Сталинская премия. Писатель Серафимович передал её в Фонд обороны.

*

ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ

*Он был писатель прирождённый,
то есть у него было,
что сказать читателям,
и высказать это он
умел впечатляюще и ярко.*

Вера Панова

«Уважаемый Полиен Николаевич...

Очень рад был узнать о судьбе моего старого школьного товарища.

Неприменно пришлите мне книгу, в которой Вы пишете о нашей Острогожской гимназии. Я прочту её с живейшим интересом....

Ваше письмо заставило нас перебрать много детских воспоминаний...

Ленинград, август 1939 г. С. Маршак».

Книга, о которой упоминает в своём письме один из лучших в мире детских поэтов Самуил Яковлевич Маршак, – это повесть «Первый ученик».

Адресат – ростовский писатель.

Улица Максима Горького. Дом № 147 «А». На фасаде – мемориальная доска с надписью: «В этом доме с 1934 по 1942 г.г. жил и работал Яковлев Полиен Николаевич».

Не одно поколение детворы Северного Кавказа, да, собственно, и всего Советского Союза, зачитывалось его книгами.

Тифлис (Тбилиси) конца XIX века. 1883 год.

26 декабря в семье аптекаря Николая Яковлева родился мальчик. Назвали редким именем Полиен. В переводе с греческого – «восхваленный».

Малыш часто болел. Что-то у этой семьи в грузинском городе не сложилось, и перебрались Яковлевы в Россию. В Воронеж, затем – в Острогожск.

Проблемы со здоровьем остались у парня на всю жизнь: слабые лёгкие, хромота. Но не сдавался.

Вот что напишет впоследствии о Полиене Николаевиче сын Вадим:

«Мои самые первые воспоминания об отце относятся к осени 1936 года, когда мне только пошёл 4-й год. Папа был в это время тяжело, почти безнадежно болен, лежал в клинике мединститута, ждал операции. Мама дни и ночи проводила тоже там, в клинике, а меня оставляла у соседей...

И всё же он выжил тогда, выжил вопреки, казалось, самой медицине».

Отца не станет через шесть лет. Но не из-за болезни.

Вадим Полиенович Яковлев – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории философии Ростовского государственного университета. Это – сегодня.

А сто лет назад его будущий отец (студент факультета филологии Московского университета) из этого университета был исключён. За участие в забастовке.

Но молодой бунтарь – упорный. Снова сдаёт экзамены – теперь в Училище живописи, ваяния и зодчества (ныне – Московский художественный институт имени Василия Сурикова). Одновременно, как вольнослушатель, посещает Московскую консерваторию.

Но – надвигались события, поколебавшие все основы российского государства: революции, Первая мировая война, гражданская.

И в Училище Полиену довелось побыть студентом всего два курса. Хотя, и этот срок оказался достаточным для приобретения необходимых художественных навыков и расширения кругозора. А хороший вкус у него был всегда.

Яковлев уезжает на Кубань, в станицу Усть-Лабинскую.

Председатель педсовета гимназии в этой станице – личность серьёзная. Статский советник Стефан Григорьевич Антонов. Но он в классах появлялся не часто.

Законоучителем, естественно, был священник. А остальной, довольно многочисленный преподавательский состав – почти сплошь женский, исключение – лишь учителя «наук искусствоведческих». По пению и рисованию.

Рисование усть-лабинским барышням преподавал Полиен Николаевич Яковлев.

В 1921 году переезжает он к нам, в Ростов-на-Дону. И здесь пробует свои силы в литературе.

Лучше всего получалось писать для детей.

Первым литературным опытом Полиена Яковлева выпала счастливая судьба. На его книги в библиотеках – большой спрос, на них даже записывались в очередь! «Жмых и Мазан», «Дзынь-фун», «Наша взяла», «Их жизнь» – всё время на руках.

В Государственном архиве Ростовской области сохранился «Договор № 16», датированный 11 октября 1924 года. Это обязательства издательства «Буревестник» и автора Яковлева на его *«все литературные произведения»*.

И отмечено: *«срок предоставления – по мере написания»*.

Вадим Полиенович вспоминал, что рабочий день отца обычно продолжался до глубокой ночи.

Чаще всего его можно было увидеть за редакторским столом. А, чуть отдохнув, снова садился за письменный стол, дома. Свет в окне кабинета не гас до двух часов. Но и закончив писать, ложиться не спешил – принимался за письма.

Поэт Вениамин Константинович Жак оставил нам такой портрет:

«Невысокого рост, прихрамывающий, широколицый, седоватый, с открытым крупным лбом и быстрыми улыбчивыми глазами, Полиен Николаевич, как магнит, притягивал к своей газете всех, кто хотел и мог писать для детей. Сколько писателей, журналистов, педагогов, учёных считали и считают его своим учителем и наставником!»

Яковлев редактировал самую популярную на Юге России детскую газету – «Ленинские внушата».

Она выходила в Ростове и рассылалась по громадной территории Северного Кавказа.

Это был аналог «Пионерской правды». Инициатор – Анастас Иванович Микоян, тогдашний секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б).

Газета в стране (среди юношеских изданий) считалась одной из лучших.

Публиковался здесь Виталий Губарев – будущий автор суперзнаменитой сказки «Королевство кривых зеркал» (о жизни и творчестве Губарева можно прочесть в другой нашей книге «В зеркале детектива»).

Приносили свои статьи молодые Григорий Кац, Елена Ширман, Вениамин Жак. Многие юнкоры стали потом профессиональными журналистами. Наш известный краевед Иосиф Гегузин, к примеру, тоже начинал в «Ленвнушатах».

А ещё Яковлев организовал газету для маленьких – «Октябрёнок», а ещё – журнал детского творчества «Горн» и журнал «Костёр».

Жак рассказывал, как на Первомайской демонстрации общее внимание привлекла колонна детских библиотек города. Маленькие читатели несли огромные красочные макеты – обложки любимых книг. Над всеми этими макетами возвышалась длинная деревянная фигура любимца читателей Симочки-лётчика.

Клетчатая кепка, длинющий нос, красный галстук и неприменный фотоаппарат, делающий моментальные снимки, – таковы приметы героя, придуманного Полиеном Николаевичем.

В каждом номере «Ленвнушата» или «Костра» юные подписчики прежде всего искали встречи с весёлым Симочкой, карикатурно изображающим лодырей и нерях, хвастунов и хулиганов.

Яковлев со своим героем учили верить в человека, обязательно находить в нём хорошее, заботиться о нём. Но и высмеивать дурное.

И работала в редакции «Ленвнушата» подающая большие надежды Вера Фёдоровна Панова.

Вот её воспоминания о том, как молоденькую фельетонистку серьёзной ростовской газеты, Яковлев уговорил перейти в детское издание. И что было дальше.

«- А вы довольны вашей работой в «Советском Юге»? Не скучно вам?»

- Что вы, - сказала я, - сплошное веселье.

- Я вам хочу предложить кое-что повеселей, - сказал он. - Крайбюро юных пионеров предполагает открыть новую пионерскую газету, и я буду её редактировать. Идите ко мне секретарём редакции, мы с вами, знаете, какие закрутим дела!

- Да ведь такая газета уже есть, - сказала я, - и я – её секретарь.

В самом деле, в Ростове существовала маленькая газета под названием «Ленинские внучата»...

Я организовывала пикоров – пионерских корреспондентов, собирала и правила заметки, выпускала газету. Во всём мне помогали детишки-пикоры, вплоть до того, что они на саночках привозили из типографии отпечатанный тираж, раздавали газету подписчикам и принимали подписку.

- Нет, - сказал Полиен Николаевич, - это не та газета, какая нужна детям. У нас будут сотни тысяч подписчиков, и писать в газету будут все дети, сколько их есть на Северном Кавказе.

И я поверила ему, пошла секретарём во вновь открытую газету «Ленинские внучата» и никогда об этом не пожалела. Он отвоевал для нашей редакции отличную светлую комнату с балконом, мгновенно собрал в эту новую редакцию множество новых людей – педагогов, учёных, детских библиотекарей, поэтов, вожатых, и кого-кого у нас не было!

И все писали нам статьи – всяк по своей специальности, и отвечали на вопросы читателей. А вопросы эти так и хлынули, едва мы выпустили два или три номера нашей газеты. И карикатуристы у нас появились, и бедовый раёшник (его сочинял сам Полиен Николаевич), а писем пошло столько, что очень скоро Полиен Николаевич сказал:

- Верочка, нам вдвоём с этим потоком не справиться, возьмём-ка технического секретаря.

В редакции появилась Люба Нейман, рыжая, спокойная и педантичная, словно специально созданная для того, чтобы ни одно ребячье письмо не терялось и не оставалось без толкового и скорого ответа.

А ещё через сколько-то времени Полиен Николаевич сказал так:

- Дорогие мои, всё это хорошо, но мало, мало! Надо взбудоражить ребят, надо их активизировать. Вот возьмём-ка да объявим конкурс на лучшие умелые руки, вот тогда увидите, что получится.

И мы, то есть газета, объявили этот конкурс. Мы выпустили и разослали по всему краю призывы, чтобы ребята-школьники присылали на этот конкурс всё, сделанное их руками – модели машин, рукоделия, рисунки, игрушки. Единственное было условие – чтобы работы эти были выполнены самостоятельно, без помощи специалистов. Наши начинание поддержали широко и щедро, так, что мы могли объявить хорошие премии за лучшие экспонаты.

Бедная Люба Нейман! Теперь ей некогда было отвечать на письма. С утра до вечера она распаковывала посылки, приходившие в редакцию. Тут были и модели, и игрушки, и рукоделия, и всякая всячина.

В том числе тропические растения, выращенные трудолюбивыми детьми в комнатных условиях; мудрёные радиоприёмники (один, помню, был сконструирован на карандаше); художественные куклы, и чего-чего тут не было.

Под все эти экспонаты нам отвели большое помещение, и выставка наша пользовалась огромным успехом. Яковлев умел хорошо подать такие вещи. Лучших юных мастеров он выписал в Ростов, и они сами демонстрировали свои изделия.

Результатом было то, что авторитет «Внучат» неслыханно возрос среди ребятни, а тираж газеты превысил на Северном Кавказе тираж «Пионерской правды» и «Ленинских искр».

При всех этих заботах Полиен Николаевич находил время писать книги...

Кончив главу, он звал деткоров (так вскоре стали именоваться пикоры) и читал им вслух.

И не только он, автор, но и мы с Любой душевно радовались, видя, как живо воспринимают ребята-слушатели его произведения...

В «Первом ученике» мы (лично знавшие Полиена Николаевича) среди множества действующих лиц узнаём и его самого – в лице доброго математика, поддержавшего беднягу Самоху в тяжкие часы его трудного детства.

Ибо главенствующей чертой Полиена Николаевича была его горячая, всепонимающая любовь к детям. Он умел проникать в самые сокровенные закоулки души и никогда не находил там ничего дурного, находил только доброе и чистое».

В 30-е Яковлев выпустил всего две книги: «Первый ученик» и «Девушка с хутора», но они – его лучшие произведения.

Поэт Эдуард Барсуков величал его «обыкновенным волшебником».

А о «Первом ученике» Эдуард Григорьевич отозвался так:

«Книгу эту приобрёл после войны на Новопоселенской толкучке, и на долгие годы она стала моим любимым чтением....

В ней рассказывалось о старой гимназии, о педагогах и учениках, небольшой процент которых составляли «кухаркины дети», жители городских рабочих окраин.

И, подавляющее большинство, отпрыски «благополучных» семей, принадлежавших чиновничьему люду, а то и «хозяевам жизни», кого величают «вашими благородиями»...

Углубили содержание повести иллюстрации, сделанные для этого издания художником А. Е. Глуховцевым... В реалистично-гротесковой манере рисунков верно угадывались быт и затхлая атмосфера «привилегированного учебного заведения».

О жизни и творчестве донского художника Александра Глуховцева рассказано в другом сборнике нашей библиотеки – «Сначала был Vauxhall».

Собратья по перу утверждали, что был Яковлев очень мягок, никогда ни на кого не кричал, никому ничем не угрожал. А, вместе с тем, в редакции царили образцовая дисциплина и неумолимая требовательность друг к другу и к своей работе. Газету делали небольшую, но редактор сумел внушить, что это – большое ответственное дело.

В этот период, 30-е годы, вырос и утвердился его авторитет литератора – Полиен Николаевич представлял наш край на Первом съезде советских писателей в августе 1934 года.

А 1 декабря 1934 года всё поменялось.

В Ленинграде убили Кирова.

В стране начались партийные чистки.

Первым попал под «красное колесо» муж Пановой Борис Вахтин – он был знаком с некоторыми ленинградскими оппозиционерами. Исключили из партии, уволили из газеты. И отправили неизвестно куда.

А потом Полиен Яковлев вызвал Веру Панову и с неподдельной горечью поведал, что редакция вынуждена расстаться и с ней.

Но и Яковлева уволили вслед за Пановой...

Правда, особо жутких репрессий не последовало. И когда началась Великая Отечественная война, Яковлев остался верен своей теме: дети. Только теперь они – с оружием. С оперативностью старого газетчика написал повесть «Рождение отряда» – о том, как мальчишки – уже 41-го года – поднялись на защиту.

Он не мог их знать, не успел ещё отдать должное их мужеству и отваге. Но Полиен Яковлев хорошо знал советскую пионерию и понимал, что книга – написанная даже не на реальном материале, а лишь силой воображения – тоже войдёт в строй защитников Родины.

«Рождение отряда» издали в Пятигорске. Вторую книгу о войне «В родном городе» готовили к печати в Ростове, но в здание типографии попала бомба. От тиража ничего не осталось. Не сохранилась и рукопись.

Судьба самого писателя сложилась трагически. Летом 1942 года Яковлевы уходили из прифронтового Ростова. Но у Большой Мартыновки путь перерезала немецкая часть.

Дадим ещё раз слово Вадиму Полиеновичу.

«В конце июля пал Ростов. Пришлось и нам, в общем потоке беженцев, двигаться на восток, ища выхода из кольца фашистов...»

Однажды утром стало известно – линия фронта обогнала нас, и дальше отступать некуда: кругом немцы.

К полудню нас остановили мотоциклисты – зондеркоманда СД, профессиональные убийцы. Девятнадцать человек из нашего обоза, – среди них почти все женщины и дети – они здесь же, на глазах у остальных, вывели на обочину и расстреляли. Только за то, что они были евреями.

Потом они подошли к нашей телеге.

- Паспорт!

Отец не спеша отыскивает документы, но прежде чем отдать их в руки долговязого верзилы, вдруг как бы невзначай роняет возжжи на землю.

- Поднимите! - говорит он так спокойно и повелительно, что фашист быстро и старательно поднимает концы запутавшихся у колеса возжжей и протягивает их отцу.

- Зачем ты это сделал? - спросила мама, когда гитлеровцы отошли от нас, - ведь он же мог...

- Да, мог. Но пусть он знает, что я не боюсь его и, что все мы их не боимся.

Да, он не боялся фашистов, он их презирал.

Оккупанты заставили нас вернуться в Ростов. Жуткое зрелище представлял город. Груды развалин, чёрные от дыма, обгорелые остовы зданий, изрытые воронками бомб улицы. А на улицах, когда-то таких красивых и нарядных – ни единой души. Лишь солдаты со свастикой на рукаве.

Советский писатель, отец знал, что ждёт его в городе, где хозяйничают фашисты. Но и в эти дни, буквально накануне своей гибели, он меньше всего думал о себе.

Он отказался от попытки скрыться самому от гестаповцев, чтобы не подвергать смертельному риску меня и маму: фашисты бы взяли нас как заложников, а они не щадили никого».

А вот это – воспоминания поэта и переводчика Леонида Григорьевича Григорьяна.

Он, десятилетний мальчишка, оказался невольным свидетелем ареста своего соседа по дому.

«В тот день, 22-го октября, я как раз собрался навестить деда. Зайдя в парадное, увидел, что дверь в квартиру Яковлевых распахнута. Я почувствовал неладное и задержался. Через несколько минут два дюжих гестаповца в чёрных бархатных пилотках вывели Полиена Николаевича. Был он желтовато-бледен, лицо обречённое.

Увидев меня, он на миг остановился, губы его беззвучно зашевелились, но тут же он стал торпливо спускаться по ступенькам.

Всем своим видом он показывал, что не знает меня, что я тут человек случайный, и я мгновенно понял, что он испугался за меня, сына «расово-неполноценной женщины».

Я выглянул на улицу. Полиен Николаевич, прихрамывая, шёл через дорогу. А со двора выводили инженера Шатохина. Потом их обоих посадили в закрытую машину и увезли.

В феврале, после освобождения Ростова, их тела обнаружили в тюремном дворе – отступая, немцы расстреляли всех заключённых».

Полиен Яковлев был не только писателем.

Природа наделила его ещё и талантом художника и музыканта. Он писал – на вполне профессиональном уровне – картины, преимущественно пейзажи, и сочинял фортепианную музыку.

Некоторые полотна, созданные Яковлевым, сохранились.

Уцелели и ноты, написанные его рукой.

И в памяти Вадима Полиеновича отец запечатлелся не только за письменным столом, но и за роялем.

*Вечерние тени
ложатся на стены.
Отец – за роялем.
Играет Шопена.*

*Мазурки и вальсы,
ноктюрны, баллады...
А я, затаивши дыхание, –
здесь, рядом.*

*Я – в звуках. Весь в звуках:
и робких, и властных,
И звонко-победных,
и скорбно-прекрасных.*

*Вечерние тени
на старом портрете.
Я сам давно вырос,
и выросли дети.*

*Но звуки Шопена –
волшебные звуки –
И вечер тот зимний,
и добрые руки –*

*Они здесь, со мною,
им некуда деться.
Отец – за роялем...
Как память о детстве.*

*

ГРАНД-ДАМА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

*Если Вы что-нибудь напишите обо мне,
то это для меня будет большим подарком...
Повторяю: всё, вышедшее из-под Вашего пера,
будет для меня большой честью.*

Дмитрий Шостакович

Её называли «гранд-дама советской эпохи».

Разносторонность интересов – просто поражает.

Она цитирует Паскаля и Гёте, свободно разбирается в архитектуре и строительных материалах, живо интересуется технологией бездымного сжигания сланца.

Описывает множество различных машин и процессов, знает сравнительные преимущества швицов и симменталов, знакома с холодным воспитанием телят.

Выращивает мичуринские яблоки у себя на даче; интересуется музыкой и политической экономией, философией и наукой; заседает в учёном совете Института мировой литературы.

Изучает архивные материалы о пребывании Абовяна в Юрьевском университете, рецензирует диссертации о Банделло, пишет о математике и языкознании. Сама в совершенстве говорит на трёх языках.

Параллельно выступает с лекциями по истории искусства; работает инструктором Доннаробраза, директором прядельно-ткацкой школы (для чего досконально изучила технологическую сторону вопроса), статистиком, историографом.

Публикует немалое количество статей и очерков по вопросам литературы и индустриализации; участвует в создании серии книг «История фабрик и заводов»; является спецкором газет «Правда», «Известия» и «Известия Петроградского Совета».

На старости лет начала изучать санскрит.

И при этом ещё успевала писать свои романы!

И всё это не только в Москве, у себя дома. Нет! В постоянных разъездах: от Чудского озера до Севана, от горных районов Армении до Эстонской низменности.

И кто бы подумал, что Мариэтта Сергеевна Шагинян имеет диплом альпиниста?

Между тем, она первая женщина, взошедшая на Арагац.

Поэт-пародист Александр Архангельский отозвался на всестороннюю деятельность Мариэтты Сергеевны весёлой эпиграммой:

*Широту её размаха
Не уложишь в писчий лист:
Поэтесса, лектор, пряха,
Шерстовед и романист.*

Старая Нахичевань – Пролетарский район Ростова-на-Дону – и сегодня пленяет неповторимым своеобразием своих улиц и уютных двориков, жилых и общественных зданий, обилием зелёных насаждений, парков и площадей.

Многие капитальные строения (возведённые в конце XVIII - первой половине XIX века) признаны уникальными, отреставрированы и находятся под защитой государства.

Сейчас здесь насчитывается более 150 памятников архитектуры и зодчества, выполненных в стиле модерн, барокко и русского классицизма.

Особенно богатую историю имеет особняк Гайрабетовых.

Это один из немногих домов Ростова, где, в основном, сохранился первоначальный интерьер.

Возвели его в 1880 году наследники купца Карпа Гайрабетова. В начале XX века новый владелец – крупный фабрикант, директор Нахичеванского городского общественного банка – Марк Искидаров внёс в архитектуру изменения по своему вкусу.

На убранство фасадов, вероятно, оказал влияние располагавшийся напротив армянский театр.

В 1920 году здание национализировали. В особняке разместились классы школы имени Михаила Врубеля. Это первое на Юге России советское государственное художественное училище.

Основательницами были сёстры Мариэтта и Магдалина Сергеевны Шагинян. Учебная программа разработана Мариэттой и включала рисование, живопись, скульптуру, анатомию, историю искусств, эстетику и литературу.

Курс живописи читал Мартирос Сергеевич Сарьян. Личности Мартироса Сарьяна посвящена глава в уже упоминавшемся сборнике – «Сначала был Vauxhall».

Ещё одним из учителей значился Николай Евгеньевич Лансере. Магдалина вела класс скульптуры и руководила учебным процессом. Мариэтта преподавала историю искусств.

А сами сёстры Шагинян окончили Нахичеванскую классическую женскую гимназию. Сегодня это – дом № 1 на площади Свободы – школа № 13.

Двухэтажное здание гимназии построено в 1893 году по проекту известного архитектора Николая Никитича Дурбаха.

Новая гимназия не случайно прослыла одним из красивейших строений во всей Нахичевани: девочки учились в роскошных интерьерах с лепниной, мраморным бассейном и пальмами.

В гимназии также была квартира для семьи директора и своя церковь. В 1910 году добавили третий этаж.

Подробнее о Донской Нахичевани можно узнать из издания нашей библиотеки «И катаются ростовчане от Ростова к Нахичевани».

Мариэтта Сергеевна Шагинян – это человек-легенда, даже – человек-эпоха.

Своим девизом она выбрала слова Николая Ивановича Лобачевского: *«Жить – значит чувствовать, наслаждаться жизнью, чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живём...»*

От первого детского стихотворения до последней статьи – 70 лет! Почти вся советская власть. Это девять томов собрания сочинений.

Вот её награды: «Орден Ленина» (дважды), «Красной звезды» (трижды), «Октябрьской Революции», «Дружбы народов».

Герой Социалистического труда; Лауреат Ленинской премии, Государственной (Сталинской); доктор философии; академик.

«Профессиональную работу, печатание, я датирую с пятнадцати лет и горжусь тем, что начала свою трудовую биографию в том же возрасте, в каком её начинает большая часть производственных рабочих», - так считала сама писательница.

Мариэтта Шагинян родилась 2 апреля 1888 года в интеллигентной армянской семье.

Мать Пепронэ Яковлевна происходила из старинного и знатного рода Хлытчиевых (Хлытчианов) из Нахичевани-на-Дону, в семье были музыканты и математики. Отец Сергей (Саркис) Давыдович приехал из Григориополя, что на Днестре.

Но жили Шагиняны в первопрестольной.

Сергей Давыдович, талантливый врач, служил приват-доцентом Московского университета. Пепронэ Яковлевна заправляла хозяйством.

Дочки, Мариэтта и Магдалина, получили прекрасное домашнее образование.

А в 1903 году девочек отдадут в Московскую закрытую гимназию Любови Ржевской. В этой же гимназии, кстати, вела курс истории и географии Мария Чехова.

Сёстрам Шагинян довелось увидеть Ходынку, баррикады 1905 года.

Может быть, именно эти события заставили старшую взяться за перо – с гимназических лет зарабатывала она репетиторством и писанием заметок. Родители с вниманием отнеслись к литературному дарованию дочери, а проявилось оно очень рано: свой первый стишок Мариэтта сочинила в четыре года.

А потом умер папа.

Пепронэ Шагинян с дочками возвращается на родину, в Нахичевань.

Мариэтта и на Дону продолжает любимое занятие. Её очерки о культурной жизни столицы публикуют ростовский «Приазовский край» и газеты Кавказа: «Кавказское слово» и «Баку».

В 1912 году Мариэтта окончила историко-философский факультет Высших женских курсов Владимира Герье. Все экзамены сданы на «весьма» (высшая оценка), а тема кандидатского сочинения тоже (для юной девушки) весьма непростая: «Критика Баадером гносеологии Канта».

Годы студенчества – это время активного творческого общения со «старшими» символистами – Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус. Вместе с ними Шагинян отправилась в Петербург, увлечшись модными тогда идеями «богостроительства».

Она читает лекции рабочим по истории философии, встречается с символистами обеих столиц. В 1909 году издаёт на собственные средства сборник стихов «Первые встречи». Не оценили.

И Шагинян ищет чего-то другого, символисты уже не интересуют. Она сближается с братьями Метнерами – философом Эмилием Карловичем и композитором Николаем Карловичем.

И выпускает вторую книжку стихов. Богостроительные идеи забыты, строки смиренностью уже не отличаются:

Кто б ты ни был, – заходи, прохожий.

Смутен вечер, сладок запах нарда.

Для тебя давно покрыто ложе

Золотистой шкурой леопарда.

Или так:

Днём чабрец на солнце я сушила,

Тмин сбирала, в час поднявшись ранний.

В эту ночь – от Каспия до Нила –

Девы нет меня благоуханней!

Правда, странно, что с таких вот эротических образов начинала будущая пламенная коммунистка, одна из самых видных партийных писательниц Советского Союза?

Но широкую известность Мариэтте принесли именно они. Это сборник под названием «Orientalia». 1913 год.

Сборник вышел с посвящением Сергею Васильевичу Рахманинову – была влюблена. Потом рассказывала, что имел место роман.

- А мама, вообще, часто была в кого-либо влюблена: Рахманинов, Блок, Мандельштам, Метнер и т. д., - вспоминала позднее дочь, - она любила повторять: «Любовь, даже платоническая, тонизирует».

Рецензенты отмечали изящество стихотворной формы, восточную узорчатость предметного мира, глубину лирического переживания.

Поэт-символист Владимир Нарбут сравнивал стихи Шагинян с поэзией Марины Цветаевой и Анны Ахматовой, отдавая предпочтение – автору «Orientalia»!

Окрылённая успехом молодая поэтесса решила, что ей не хватает образования и отправилась за ним в народный университет Шанявского, изучать минералогию и кристаллографию.

А затем – в Гейдельбергский университет, работать над диссертацией по творчеству *«последнего из идеалистов»* – Якоба Фрошаммера.

А в семье Метнеров поклонялись поэту Иоганну Вольфгангу фон Гёте.

Прониклась и Мариэтта. Эти годы, по признанию писательницы, *«прошли под знаком учёбы у Гёте»*. Она даже предприняла паломничество на родину немецкого гения, в Веймар.

Неизвестно, сколько бы длились годы заграницы, но вечером 30 июля в комнату вошла хозяйка пансионата и посоветовала быстренько уехать: все вокруг только и говорят о скором начале войны.

«Это путешествие за десять дней до 1 августа 1914 года было последним этапом культурнического идолопоклонства; в него неожиданно ворвалась политика», - так записано в дневнике.

Как русско-подданную, её отправили в Баден-Баденский лагерь для интернированных. Повезло: узнала Магдалина и сумела вытащить.

За границей, кстати, Мариэтта впервые знакомится с идеями большевиков, но это не помешало Гёте стать её самой большой литературной любовью – на всю жизнь. По возвращении появилась книга *«Путешествие в Веймар»*.

Октябрьскую революцию Мариэтта Сергеевна Шагинян приняла, но сначала – как событие христианско-мистического характера. Хотя впоследствии утверждала, что *«с первых дней революции соединила свою жизнь с делом большевиков»*.

Но процесс вхождения в новую среду, новую литературу, новую жизнь – был достаточно сложен и драматичен. Пришлось отказаться от прошлого, изживать своё *«воинствующее христианство»*, *«ходить налегке (без памяти)»*.

В компартию же Шагинян вступит только в 42-м.

Она возвращается в Нахичевань. Знакомится с филологом Якопом Самсоновичем Хачатрянцем (Яковом Хачатряном, Акопом Хачатуряном).

И 17 мая 1918 года на свет появилась новая ростовчанка Мирель (можно расшифровать как *«Мировая революция, Ленин»*).

Мариэтта Сергеевна вместе с супругом работает над собранием переводов армянских сказок, пишет прозу, стихи, драмы.

Большую популярность принёс ей авантюрный фантастический роман *«Месс-Менд, или Янки в Петрограде»*, написанный в духе *«красного Пинкертона»*. В 1924 году Шагинян выпустила его под псевдонимом *«Джим Доллар»*.

Последовали продолжения – *«Лори Лэн, металлист»* и *«Дорога на Багдад»*.

Сюжет этой лёгкой и во многом пародийной трилогии включает обязательную для подобных произведений борьбу мирового пролетариата, использующего различные фантастические изобретения и открытия, против деградирующих (в том числе, и буквально, биологически) империалистов-заговорщиков.

«Месс-Менд» начал выходить в 1924 году отдельными еженедельными выпусками, интересно оформленный типографским способом (фотомонтаж обложек, игра шрифтов в оглавлениях) и, к радости моей, имел успех...», - отмечала Шагинян.

Не мог не иметь.

Плакатность текста, броскость лозунгов, агрессивный стиль.

Друзья писались светлыми красками, враги – исключительно чёрными.

«Там, в полном безмолвии, сидели три человека азиатского происхождения. Один из них был высокий, мрачный грузин – князь Нико Куркуреки, другой армянин из Ленинакана – Надувальян, и третий – татарский бек, Мусаха-Задэ».

Тупых жандармов она назвала Дурке и Дубиндус.

Трилогию быстро экранизировали, чуть изменив название: «Мисс Менд». В этом фильме – одна из первых ролей Игоря Владимировича Ильинского.

А с пьесы «Джим Доллар» в 1931 году начал свою карьеру кукольника Сергей Владимирович Образцов.

Коммунистические газеты за рубежом с удовольствием перепечатывали эту шагинянскую авантюру. Она оказалась одинаково доходчивой и для австрийского железнодорожника, и для американского металлста.

Литературная Москва волновалась, пытаясь угадать автора, скрывшегося под звучным псевдонимом. В причастности к нашумевшему роману подозревали то Алексея Толстого, то Илью Эренбурга, то утверждали, что это труд целой артели молодых писателей («литературных негров», сказали бы мы сейчас).

В издании 1956 года Мариэтта Сергеевна поставила своё настоящее имя.

Откликнулась Шагинян и на события революции и гражданской войны на Юге России. Это роман «Перемена». Прочитал Ленин, похвалил.

Зато Максим Горький написал Вениамину Каверину: *«За её роман «Перемена» ей следовало бы скушать бутерброд с английскими булавками».*

А писательница отмечала его, как *«самый музыкальный из своих вещей, формовавшийся легко и радостно, как это случается только на заре эпохи в искусстве».*

Жила она в это время в Северной столице, конкретно, в знаменитом Доме искусств. Работала в издательстве «Всемирная литература» как редактор и переводчик.

В Питере она знакомится с Александром Блоком и Николаем Гумилёвым, с группой «Серапионовы братья» – они, смеясь, называли её «сестра-квакерша».

А дружба с Михаилами – Зощенко и Слонимским, Николаем Тихоновым, Виктором Шкловским осталась на долгие годы.

Работала она истово, с полной верой и полной отдачей, и чем только ей не приходилось заниматься! И, в довершение к своим прежним роскошным высшим образованиям, добавила ещё одно – окончила Плановую академию Госплана имени Вячеслава Молотова.

«Много лет работала по кристаллографии у большого учёного профессора Ю. В. Вульфа. Он учил меня выращивать кристаллы, и вместо цветов на подоконнике у нас стояла целая армия стаканов. В них «доходили» в своих растворах красивые цветные кристаллы квасцов».

К Мариэтте Сергеевне, знавшие её, относились по-разному.

Одни были без ума. Другие воспринимали её добродушно, но с лёгкой иронией.

Третьи терпеть её не могли. Четвёртые считали выдающейся писательницей и крупнейшей общественной деятельницей эпохи. Пятые рассказывали про неё анекдоты. И так далее...

Но никто не был к ней равнодушен.

С юности, после перенесённой тяжёлой болезни, Мариэтта страдала сильной глухотой и потому никогда не расставалась со слуховым аппаратом. При этом была любительницей и знатоком классической музыки и завсегдатаем Филармонии.

Несмотря на очень слабое зрение, много читала и ещё больше писала – простой перьевой ручкой, макая её в школьную чернильницу-непроливайку.

А писать ей было о чём – ведь она прожила на этом свете почти столетие и была свидетельницей и активной участницей всех событий, происходивших в России на протяжении трёх четвертей XX века.

Осенью 1927 года по командировке газеты «Правда» Шагинян отправляется на строительство гидроэлектростанции в Армению: на реке Дзорагет (у города Туманян) шло строительство одной из первых гидростанций в республике.

Четыре года проводит там писательница, живёт в бараке, где *«не было никаких удобств, сквозь щели в крыше выглядывали звезды»*, спит в шубе, ездит верхом, участвует в земляных работах, кладёт шпалы, изучает чертежи и документацию, выступает как журналист и агитатор, ведёт культурно-массовую работу среди жён строителей.

Результатом этой деятельности явился один из первых советских производственных романов. «Гидроцентральный».

Стройка затянулась, не доставало нужного оборудования. И Мариэтта Сергеевна отправляется в далёкое путешествие на Украину, проталкивает застрявшие в пути материалы.

Она не остаётся в стороне и от технического обсуждения проекта. Вникает в спор инженеров, едет в Ленинград консультироваться с крупнейшими специалистами-гидравликами.

И – пишет роман.

Оперативность была невероятная. Ещё не застыл цемент на строительной площадке, а роман уже читали и перечитывали. Он стал любимой книгой!

За действенную помощь, оказанную строительству Дзорагэса, в 1932 году писательница получила орден Трудового Красного Знамени.

Впоследствии, Мариэтта Сергеевна отметит: *«Гидроцентральный» – это не только написанная книга, но и пережитый кусок жизни»*.

Но вот что записано годом ранее в дневнике Корнея Чуковского:

«Мариэтта Шагинян, несомненно, из-за своей глухоты, отрезана от живых литературных кругов...»

Как-то в Доме искусств она несла дрова и топор – к себе в комнату. Я пожалел её и сказал: «Дайте мне, я помогу». Она, думая, что я хочу отнять у неё дрова, замахнулась на меня топором...

Показала мне письмо Сталина к ней (по поводу «Гидроцентрали»).

Сталин хотел было написать предисловие к этой книге, но он очень занят, не может урвать нужного времени и просит её указать ему, с кем он должен переговорить, чтобы «Гидроцентральный» пропустили без всяких искажений. Письмо милое, красными чернилами, очень дружественное...

И вот характерно: Шагинян так и не рискнула побывать у Сталина, повидать его, хотя ей очень этого хочется, именно потому, что у неё нет слуха, и ей неловко...

А ещё Корней Иванович приводит слова самой Мариэтты Сергеевны:

«Бросила литературу. Учусь. Математика даётся трудно. Всё же мне 43 года. И не та математика теперь, вся перестроена по марксистскому методу, но зато какая радость жить в студенческой среде. Простые, горячие, бескорыстные, милые люди. Не то, что наши литераторы, от которых я давно отошла. Надоела литература, она слишком дёргает, мучает, и я впервые на 43 году жизни живу радостно, потому что нет на мне этого тяжёлого гнёта литературы».

Написав «Гидроцентральный» я оглянулась на себя: ну что же я такое? Глуховатая, подслеповатая, некрасивая женщина с очень дурным характером, и вот решила уйти, и мне хорошо. Разделила на 12 частей весь гонорар от 2-го издания «Гидроцентрали» и буду жить весь год не зарабатывая...

Я теперь больше волнуюсь, как бы не попасть на чёрную доску, мне это ужаснее всех рецензий. Третьего дня я попала, так как запоздала на первую лекцию. Ну, уж и досталось от меня моим домашним».

До самых последних дней была она энергична, активна и громогласна.

Публиковала в центральных газетах резкие статьи о недостатках промышленных проектов, после которых проектировщики, кляня *«въедливую старуху»*, вынуждены были свои решения пересматривать и уточнять.

Систематически выступала против реформ русского языка. В салоне Мережковских – против реформы 1918 года. А в 64-м – против проекта новой реформы русской орфографии: *«Двадцать лет я покупала хлеб в булочной на правой стороне Арбата, и с чего это я теперь буду ходить на левую?»*

Осмеливалась перебивать самого Никиту Хрущёва.

Как-то, на встрече главы государства с творческой интеллигенцией, Мариэтта Сергеевна, сидевшая в первом ряду, поднялась и громко заявила:

- *Никита Сергеевич, а в Ереване сахара нет!*

Хрущёв хотел было пропустить эту реплику, но он забыл, что это – Мариэтта:

- *И масла тоже нет!*

Был скандал – и Шагинян покинула встречу. Вдогонку послали машину – не вернулась.

В 67-м, побывав на автомобильных заводах концерна ФИАТ в Италии, Шагинян напечатала в «Известиях» большую статью о том, как здорово организовано производство у проклятых капиталистов-эксплуататоров.

Итальянские коммунисты и профсоюзники жутко возмутились: что за удар в спину – и от кого?

От автора «Месс-Менд»!!!

Но контракт на строительство в СССР завода легковых автомобилей (по итальянскому проекту и с итальянской технологией) был уже подписан.

Зато владельцам концерна статья очень понравилась!

Она часто позволяла себе зигзаги: вдруг, к примеру, вышла из Союза писателей и ратовала за его роспуск *«как никчёмный»*.

С ней, по-большевистски, поговорили – она, по-большевистски, признала ошибку.

Нелёгкий жизненный опыт её, конечно, остудил и многому научил. Но склонность увлекаться, взрывчатость и бескомпромиссность никуда не делись.

А трудолюбие было у неё в крови.

«Единственное, что я умею, – это работать».

Перу этой женщины принадлежат работы, посвящённые творчеству не только Иоганна Гёте.

Она писала о карело-финском эпосе «Калевала», об Александре Пушкине, Иване Крылове, Сергее Рахманинове, Низами Гянджеви, Уильяме Блейке, Яне Амосе Коменском, о Тарасе Шевченко, о полузабытом композиторе («чешском Моцарте») Йозефе Мысливечике.

Заново перевела «Лунный камень» Уилки Коллинза.

Создала огромное количество путевых очерков о поездках по СССР и Западной Европе.

И завершила, наконец, начатую ещё до войны тетралогию о Ленине.

И это начинание едва не подвело её под монастырь: перерыв архивы Пензы, Ульяновска, Астрахани и Калмыкии, писательница обнаружила, что отец вождя имеет в своей генеалогии калмыцкие корни.

А дед со стороны матери, вообще, – какой ужас – не Александр, а Израиль. Еврей! Правда, крещёный...

Да ещё и старшие дети Анна и Александр рождены, кажется, до свадьбы родителей...

Владимир Ульянов (Ленин) вырос в православной семье и полагал себя русским, кем, собственно, и являлся – по родному языку, воспитанию и образованию.

Но для страны победившего социализма огромную роль в данном случае играл и этнический признак.

Вождь мирового пролетариата, *«основатель первого в мире социалистического государства»* должен был выглядеть в глазах миллионов людей русским человеком. Потому ведь и Джугашвили – Сталин.

И в идеальной семье. Без оговорок. А тут – такой убийственный компромат!

Роман был немедленно заперт на сто замков, в адрес Шагинян прогремело специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б), правда, секретное.

Саму писательницу не тронули лишь в силу личного расположения к ней самого отца всех народов.

Хотя он был очень разгневан. Ведь *«эта глухая армянка без мозгов»* вытащила на свет Божий и другие нежелательные факты из биографии Ильича.

Например, его, не вписывающиеся в официоз, отношения с Инессой Арманд.

Или тот факт, что брак с Крупской освящён церковью.

О подобном ведь – сроду не говорилось и применительно к самому Иосифу Виссарионовичу и его первой жене Екатерине!

Постановление осудило и поведение вдовы Ленина, которая, *«получив рукопись романа Шагинян, не только не воспрепятствовала появлению романа в свет, но, наоборот, всячески просвещала Шагинян по различным сторонам жизни Ульяновых и тем самым несла полную ответственность за эту книжку»*.

Далее там говорилось: *«Считать поведение Крупской тем более недопустимым и бестактным, что тов. Крупская сделала всё это без ведома и согласия ЦК ВКП(б), за спиной ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепринятое дело составления произведений о Ленине в частное и семейное дело и выступая в роли монополиста и истолкователя общественной и личной жизни и работы Ленина и его семьи, на что ЦК никому и никогда никаких прав не давал»*.

Что ж, Надежде Константиновне можно только посочувствовать.

Книга «Семья Ульяновых» была изъята на 22 года.

Но Ленинскую премию Мариэтта Сергеевна всё же получила. В 1972 году. Уже при Брежневе. Леонид Ильич позволил опубликовать роман – с каноническим изображением вождя.

Дополнения увидели свет в перестройку.

Последние свои годы героиня соцтруда провела в двухкомнатной квартирке на первом этаже московского дома писателей. Апартаментов (как, скажем, у Сергея Михалкова) – не было.

Обходилась безо всяких изысков. Стандартная советская мебель и такая же одежда. Единственным предметом роскоши было старенькое пианино.

Но в этой квартире хранилось огромное богатство другого рода. Письма.

От Александра Блока и Марины Цветаевой. От Анны Ахматовой, Андрея Белого и Сергея Рахманинова. От Михаила Зощенко и Николая Тихонова. От Ромена Роллана, Эдуардо Де Филиппо и Хьюлетта Джонсона.

Ничего масштабного уже не публиковала – возраст был почти библейский. Естественно, проблемы со здоровьем.

И последней книге публицистики она дала символическое название: «Столетие лежит на ладони».

Жила в столице. Но всю жизнь, видимо, помнила свою Армению.

Профессор Левон Мкртчян рассказывал, что на встрече (к её 90-летию, сентябрь 78-го) в Союзе писателей Армении Мариэтта Сергеевна попросила, чтобы Сильва Капутикян прочла в своём переводе её стихотворение «К Армении», написанное – аж в 1912 году.

А там были и такие строки:

*...Я знаю, мудрый зверь лесной
Ползёт домой, когда он ранен...
Ту боль, что дал мне северянин,
О, залечи мне, край родной!*

20 марта 1982 года, не дожив две недели до 94-летия, Шагинян ушла из жизни.

Может, быть, лучше всех охарактеризовал эту гранд-даму советской эпохи, так и не принявший советский строй эмигрант Сергей Рахманинов.

Речь – не о ней, но вот такая ремарка:

«Отныне, говоря о себе, могу смело ссылаться на Вас. Авторитетность Ваша тут вне сомнений».

И, в конце, ещё несколько слов о том, что природа не всегда отдыхает на детях знаменитостей.

Дочь Якова Хачатряна и Мариэтты Шагинян, Мирель – талантливая художница. И замуж она вышла тоже – за коллегу. Виктор Цигаль – художник-график.

Внучка Елена Шагинян (по желанию бабушки носит эту фамилию) – кандидат биологических наук. Внук Сергей Цигаль – как и папа, художник-график, член Московского Союза художников.

А девочка с редким и необычайно красивым именем Мариэтта, родившаяся в 1984 году, чуть ли не с пелёнок была уверена, что она станет актрисой! Как мама. И стала.

Мариэтта Сергеевна Цигаль, дочь известного художника Сергея Цигаля и кинозвезды Любви Полищук.

Правнучка другой Мариэтты Сергеевны – Шагинян.

*

СЛОВАРЬ:

Абовян Хачатур – просветитель XIX века, основоположник новой армянской литературы.

Баадер Франц Ксавьер – немецкий философ-просветитель XIX века.

Банделло Маттео – итальянский новеллист XVI века.

Блейк Уильям – английский поэт и художник XVIII века.

Брокгауз Фридрих Арнольд и Ефрон Илья Абрамович – российские издатели, основатели знаменитой издательской фирмы «Брокгауз и Ефрон», выпустившей практически все крупные русскоязычные энциклопедии того времени.

Вульф Юрий Викторович – профессор минералогии, член-корреспондент Российской академии наук.

Гейдельбергский университет имени Рупрехта и Карла (XIV век) – старейший и наиболее престижный из германских университетов.

«Георгий» (Георгиевский крест) – наградной знак к ордену Святого Георгия для нижних чинов.

Герье Владимир Иванович – русский историк XIX века, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

Гносеология – теория познания, раздел философии.
 Джонсон Хьюлетт – британский теолог начала XX века, настоятель Кентерберийского собора.
 Доннаробраз – Донской отдел народного образования.
 Дункан Айседора – американская танцовщица-новатор, основоположница свободного танца (вторая жена Сергея Есенина).
 Идеалисты – философы, считающие первичным фактором не материю, а дух.
 Интернированные – лица, подвергнутые принудительному задержанию.
 Капутикян Сильва Барунаковна – советская армянская поэтесса.
 Квакеры – религиозное общество (отказ от наслаждений, убеждение, что Бог пребывает в сердце каждого человека).
 Коменский Ян Амос – чешский епископ XVII века, писатель, педагог-гуманист.
 Кант Иммануил – немецкий учёный XVIII века, родоначальник немецкой классической философии.
 Микоян Анастас Иванович – советский государственный и политический деятель.
 Мкртчян Левон Мкртычевич – советский армянский писатель, литературовед, теоретик художественного перевода.
 Молотов Вячеслав Михайлович – советский политический и государственный деятель.
 Нарком – народный комиссар.
 Наркомпрос – народный комиссариат просвещения.
 Низами Гянджеви Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф – классик персидской поэзии XII века.
 Паскаль Блез Клермон-Ферран – французский религиозный учёный и писатель XVII века.
 Пинкертон Нат – литературный герой начала XX века, американский сыщик из очень популярной анонимной серии детективных рассказов. В советских кругах эта литература считалась дурным вкусом.
 РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей.
 Ржевская Любовь Фёдоровна – известный педагог XIX века, владелица частной гимназии.
 Роллан Ромен – знаменитый французский писатель, учёный-музыковед, почётный член Академии наук СССР.
 «Серапионовы братья» – литературная группа при издательстве «Всемирная литература».
 Симменталы – порода крупного рогатого скота.
 Ткварчели (Ткуарчал) – город в Абхазии.
 Филиппо Эдуардо Де – итальянский комедиограф, актёр и режиссёр первой половины XX века.
 Фрошаммер Якоб – немецкий философ XIX века
 Ходынка (Ходынская катастрофа) – массовая давка в Москве 30 мая 1896 года (при раздаче подарков по случаю коронации Николая II) на Ходынском поле.
 Чехова Мария Павловна – сестра Антона Павловича Чехова, педагог.
 Шанявский Альфонс Леонович – российский генерал, меценат. Основал Московский городской народный университет (1908-1920 годы).
 Швицы – порода домашнего скота.
 Юрьевский университет (бывший Дерптский, ныне – Тарту, Эстония) – возникновение относят к XVII веку.

*

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

Агуренко Б. Всё это хорошо, но мало, мало! // Веч. Ростов. – 1998. – 28 декабря. – С. 4.
 Волков А. Александр Серафимович. – М.: «Советский писатель». 1991;
 Гегузин И. О книгах Полиена Яковлева. – Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1987.
 Гегузин И. Страницы ростовской летописи. Ч. 2. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1985.
 Григорьян Л. Полиен Яковлев. // Комсомолец. – 1990. – 12 сентября. – С. 4.
 Громов Е. Сталин: власть и искусство. – М.: «Политиздат», 1998.

Литературная энциклопедия. – М.: «Советская энциклопедия», 1975.
 Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. – М.: «Российская энциклопедия», 2000.
 Серафимович А. Сочинения. – М.: «Художественная литература», 1972.
 Скорино Л. Мариэтта Шагинян – художник. – М.: «Советский писатель», 1981.
 Советские детские писатели. – М.: «Советский писатель», 1989.
 Творчество Мариэтты Шагинян. – М.: «Советский писатель», 1980.
 Торчинов В., Леонтьев А. Вокруг Сталина. – СПб.: «АСТ», 2000.
 Чалмаев В. Александр Серафимович. – Волгоград: Волжское кн. изд-во, 1986.
 Шагинян М. Сочинения. – М.: «Художественная литература», 1984.
 Штейн М. Генеалогия семьи Ульяновых // Литератор. – 1990. – № 43. – С. 5.
 Яковлев П. Первый ученик. – Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1986.

http://academy.cross-kpk.ru/bank/3/005/HTML/biograf_siraf.html
<http://ads.adfox.ru/202433/getDefaultImage?>
http://belopolye.narod.ru/known_people/january/serafymovitsh.htm
http://clubs.ya.ru/4611686018427420524/replies.xml?item_no=42012
http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/118077
<http://feb-web.ru/feb/irl/il0/ila/ila24702.html>
http://federacia.ru/encyclopaedia/writers_rus/alexander_serafimovich/
<http://marshak.ouc.ru/114-p-n-yakovlevu.html>
<http://obozrevatel.com/news/2008/4/21/232761.htm>
<http://rostov-80-90.livejournal.com/325410.html>
<http://rrosrp.ru/iz-istorii/>
<http://ru.hayazg.info>
http://ru.wikipedia.org/wikihttp://www.c-cafe.ru/days/bio/40/039_40.php
<http://slovari.yandex.ru>
http://slovo.ws/bio/rus/Serafimovich_Aleksandr_Serafimovich/
http://slovo.ws/bio/rus/Shaginyan_Marietta_Sergeevna/
<http://traditio-ru.org/wiki>
<http://volgastars.ru/kul/serafim.html>
<http://www.apophisme.ru/about-authors/serafimovich/?q=5340>
<http://www.armenianhouse.org/gurunts/docs-ru/shahinyan.html>
http://www.biogr.ru/biography/?id_rubric=9&id=2599
<http://www.chayka.org/node/4271>
<http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m18/1/art.aspx?art>
<http://www.fantastika3000.ru/authors/sh/shaginya.m/shaginya.htm>
<http://www.findagrave.ru/obj.php?i=7102>
http://www.gramotey.com/?open_file=1269009874
<http://www.khachkar.ru/encyclopedia/?id=118>
<http://www.km.ru/v-rossii/2005/03/17/rostov-na-donu/nasha-panova>
http://www.kovcheg-kavkaz.ru/issue_40_380.html
http://www.hrono.info/biograf/bio_sh/shaginyan.php
http://www.hrono.ru/biograf/bio_s/serafimov.php
<http://www.litmir.net/br/?b=119791&p=1>
<http://www.nvgazeta.ru/holiday/3780.html>
http://www.plam.ru/literat/krasnyi_sfinks/p23.php
<http://www.serafimovich.com/>
<http://www.serafimovich.org/serafimovichas.html>

*